

М.И. ШАДУРСКИЙ

ПОЛИТИКО-СОЦИАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА В СТРУКТУРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МОДЕЛИ МИРА В ЛИТЕРАТУРНОЙ УТОПИИ

Рассматривается политико-социальная парадигма как структурный уровень художественной модели мира в литературной утопии, конституируемая формами государственного устройства и религиозного мироощущения вымышленных обществ. Делается вывод: семантическая сумма парадигмы совпадает с концепцией счастья на уровне этосферы и пространственными атрибутами центра в строении топосферы и сообщает художественному миру, явленному в литературной утопии, внутреннюю завершенность.

The politico-social paradigm as a structural level of the fictional model of the world, explicated in literary Utopias, is constituted by the form of government and the form of religious sensibility, immanent in imaginary societies. The semantic summarization of the paradigm coincides with the notion of happiness on the ethospheric level and spatial attributes of the centre in the plane of toposphere and it communicates an interior finality to the fictional world, displayed in literary Utopias.

Художественная модель мира, запечатленная в произведениях писателей-утопистов, имеет трехуровневое строение, состоящее из представлений о пространстве (топосфера), нравах (этосфера) и политико-социальном

устройстве (телеосфера). Идея телоса (греч. *телос*; - завершение, цель) обрела свое концептуальное выражение в метафизическом учении Аристотеля о целевой причине, детерминирующей самоосуществление космоса в целом и его составных частей в отдельности. Наивысшее возможное совершенство рассматривалось философом как завершение какой-либо ценной деятельности, направленной на достижение определенной цели. П. Тиллих поместил утопическое миромоделирование в плоскость истинно человеческих способов раскрытия внутренних целей существования; по его убеждению, утопический вымысел «показывает то, кем человек является по своей сути и что ему следует представлять в качестве телоса своего существования»* (Tillich 1973, 296). Позицию П. Тиллиха отличает чрезвычайная мировоззренческая продуктивность, обусловленная выявлением парадигмы социальных и индивидуальных взаимоотношений, описывающей контактные зоны между обществом и человеком. Исходя из этого, **телосом** обозначим политико-социальный уклад изображаемого в литературной утопии общества, касающийся политического строя и религиозных верований.

Парадигма политико-социальных представлений о мире включает в себя образец политической и духовной реальностей, соположенных в телеосфере художественной модели мира в литературной утопии. Утопический замысел писателей нацеливается на выявление опорных политико-социальных центров - форм государственного устройства и религиозного мироощущения, совпадающих с семантической суммацией этосферы и тоposферы. Политический уклад моделируемого в литературной утопии мира ведет свою концептуальную историю от идеального строя Платонова государства, зафиксировавшего, по точной характеристике А. Яценко, «появление... людей с философскими дарованиями, их приход к власти, утверждение ими законов и учреждений идеального государства, и выполнение этих законов населением» (Яценко 1994, 33). К первопричине данной событийной последовательности относится греховность людей, делающая политические институты, по словам М. Уайлдинга, «неизбежными, неминуемыми, необходимыми» (Wilding 1993, 27). В литературной утопии проводится мысль о том, что политико-социальное пространство утопического эксперимента конструируется по определенной схеме изнутри, и учредителями «наилучшего» устройства выступают исключительные герои. Их уникальность проявляется в непревзойденных интеллектуальных способностях, а также в титанической духовной и физической силе. Показательным в этом смысле выглядит образ лорда Архона - первого правителя в романе-утопии Д. Гаррингтона «Республика Океания» (1656): «Непобедимый на поле брани, неотступный в своей вере, истый в своих стремлениях, бессмертный в своей славе, величайший из командующих, наилучший из принцев, счастливейший из законодателей, искреннейший из христиан» (Harrington 1901, 412). Утопический правитель играет роль культурного героя-спасителя, архетип которого явлен мировыми религиями (Мессия, Христос, Магомет). В художественном мире утопических произведений мораль введена в самый центр политико-социальных взаимоотношений, поэтому политика служит инструментом морали и соединена с ней подчинительной связью. Неповторимость утопических лидеров подкрепляется в литературной утопии и тем, что после смерти на полноту их власти не находится претендентов. Бесспорное величие и превосходство государственных мужей обретает свою параллель с верховенством Зевса, чье место в древнегреческом пантеоне могло принадлежать только ему^{***}. Мудрость, мужество, справедливость - качества, которые со времен Платона неизменно приписываются правите-

* Здесь и далее перевод автора. - М. Ш.

** В «Утопии» (1516) Т. Мора, как отмечает В. Гуторов, «после смерти основателя идеального государства... центральная царская власть была вообще упразднена, и ее рудименты сохранились в должности принцепса» (Гуторов 1989, 233).

лям мира, моделируемого в литературной утопии и противопоставляемого миру за его пределами.

Созидательная функция правителя представляет собой одну из ступеней к основополагающей цели художественного миромоделирования в литературной утопии. Истинные начала государственного устройства могут и должны быть суммированы в немногочисленном своде законов, доступных простому восприятию. «Законов у них очень мало, да для народа с подобными учреждениями и достаточно весьма немногих», - провозглашено в «Утопии» (Мор 1953, 176). Идея лаконичной ясности и справедливости христианского закона, ориентированного на действенность, становится смыслообразующим компонентом телеосферы художественной модели мира в утопических произведениях. Трудно опровергнуть суждение Л. Сарджента о том, что утопийцы (равно как и граждане других утопических обществ) превосходят род людской своей добродетельностью лишь только потому, что «их социальные институты лучше» (Sargent 1975, 89). Правоту этой мысли несложно подтвердить самим фактом существования законодательства в утопическом крае. За примером обратимся к универсальным запретам, касающимся перемещения через физическую границу воображаемых островов. Установление запретов имплицитно указывает на наличие в утопических государствах нарушения законов, которое, в свою очередь, влечет за собой неизбежность наказания.

Осуществление контроля и принуждения становится возможным в конструируемой действительности благодаря учреждению особых институтов власти, состав которых может варьироваться от небольшой группы посвященных до народного собрания. Данный момент во многом определяется встроенностью научного мышления в политико-социальную парадигму либо сопричастностью моделируемого мира к «естественному состоянию». В первом случае число приближенных к власти невелико, что, вероятно, провоцируется предвидением потенциальной опасности, которую может таить в себе «демократизация» знаний и продуктов познания. Во втором случае воображаемые общества управляются государями по общему соглашению их граждан. Наиболее сбалансированный вариант институционального применения контроля и принуждения, воплощенный в литературной утопии, основан на идее распределения полномочий между законодателем и народным собранием. Необходимо добавить, что концентрация внешнего мира в художественном пространстве литературной утопии происходит с равнением на конечную цель (телос) - форму государственного устройства моделируемого мира. Наличие государя, законов и учреждений обеспечивает функционирование всей политической системы воображаемого общества, образец которой разрабатывается в литературной утопии. Концептуальное оформление государственного строя в произведениях писателей-утопистов имеет неразрывную генетическую связь с устройством Платоновой республики, руководимой кастой правителей, философствующих и царствующих в одночасье.

В политической палитре моделируемого мира легко различимы две формы правления: **республиканская** и **монархическая**. При первой и второй формах неизменно значительной остается роль государя, наделенного правом законодателя и даром философа. В силу такой уникальности и по причине первенства в процессе становления изображаемого государства утопический правитель предстает монополистом в законодательной сфере и зачастую единственным собственником государственного имущества. Самые яркие воплощения республиканского устройства можно найти в художественном мире романов Т. Мора и Д. Гаррингтона. Прокладывая путь авторам, которые еще отдадут дань жанру утопии, Т. Мор отождествлял, по справедливой оценке Д. Погана, «концепцию республики с сетью взаимоза-

висимых частей» и был убежден в том, что «причины социальных проблем и последствия предложенных решений могут проверяться рациональным анализом» (Logan 1983, 259). Рациональные построения Мора во многом противостояли абсолютному своеволию, распространенному в известных ему монархиях, и имели своей целью выявление того, что категоризировалось как «наилучшее устройство государства» в полном заглавии «Утопии». Монархия выступает наиболее традиционной формой правления в художественном мире утопических произведений. По наследству от величайших государей власть переходит к сыновьям, обязанным практиковать те же добродетели, что и их родители. Единый государь словно гарантирует единство государственных целей, а наследственная власть - их преемственность. Монархическими по форме правления были также остров Пайнса Г. Невилла, Севарамб Д. Вераса, Эльдорадо Вольтера, страна Врил Э. Булвера-Литтона, Едгин С. Батлера, Пала О. Хаксли и др. Из этого следует, что кровное наследование власти воспринималось авторами литературных утопий как своего рода политический механизм, стабилизирующий подвижность мира. Контуры государственного устройства, очерченные писателями в литературных утопиях, всегда контрастировали с политическими потребностями и возможностями эпох, в которых они зарождались.

Государь, законы и учреждения, центрированные вокруг формы государственного устройства, не только выявляют политический образец моделируемого мироздания, но и вскрывают некоторую потаенную тональность литературной утопии. В утопическом миромоделировании оживают экзистенциальные стремления человека к несбыточному, идеальному. Когда идеал совпадает с конечной целью не на метафизическом, а на физическом уровне, он, как убедительно доказывает А. Новиков, «таит в себе опасность нежелательного преодоления некоей рациональной грани, за которой благо может перейти в свою противоположность» (Новиков 1996, 142). В связи с этим возникает правомерный вопрос: какая сверхцель фигурировала и фигурирует на горизонте художественного творчества писателей-утопистов? В художественной ткани литературных утопий несложно различить имплицитную компрометацию авторского вымысла, содержащего озвученное или подразумеваемое сомнение как в готовности реального мира встретить «наилучшее устройство», так и в самой жизнеспособности создаваемой реальности. Распознав «чрезвычайную нелепость» многих законов и обычаев Утопии, герой-повествователь романа Мора радостно-настороженно восклицает: «Хорошо, если бы это когда-нибудь осуществилось!» (Мор 1953, 222). Однако пробуждение рассказчика длится лишь мгновение, и его взор отверзается от мимолетной вспышки прозрения о последствиях перетекания благородных целей в фактуру реального мира. Несогласованность профилей действительности с перспективами, предлагаемыми утопической условностью, соизмерима с (переживаемым или предвидимым) расхождением между идеей и сущностью, вызывающим скепсис по поводу жизнестойкости умозрительных построений и улавливаемым в потаенно-пессимистических тонах литературной утопии. Утопический государь, законы и политические учреждения, встроенные в политико-социальную парадигму, в случае смены прописки на реально-историческую действительность, коренным образом искажающей их изначальную сущность, становятся чаще всего рабочим материалом в творческой лаборатории авторов антиутопий. Миростроительные цели, воспринимаемые в качестве руководства к действию и ставящиеся, по Ф. Энгельсу, «на реальную почву» (Энгельс 1926, 52), перемещаются как раз через ту семантическую границу, за которой благо, явленное художественным воображением, перерождается в свою трагическую противоположность.

Наряду с формой государственного устройства форма религиозного мироощущения конституирует политико-социальную парадигму в структуре художественной модели мира. Логика организации семантического поля, включающего форму религиозного мироощущения, повторяет внутреннее строение политического компонента парадигмы, в которой государь, законы и соответствующие учреждения обеспечивают функциональность всего воображаемого мироустройства. Роль утопического государя в духовных вопросах создаваемой реальности сводится в основном к выработке социальных предписаний, относящихся к религиозным верованиям и их практике. По этой причине чрезвычайно редки случаи обращения к внутреннему совершенствованию человека в силу предзаданной социуму религиозности. Проблема искоренения зла в человеке чаще всего находится на периферии художественного замысла утопических произведений, сосредоточивающихся на политико-социальных стратегиях улучшения общества*. Авторы утопических произведений традиционно предлагают два варианта государственной религиозности: **моно-** и **политеистический**. Первый вариант означает узаконивание определенной концепции верований в единого для всего государства Бога. Вопрос о правомерности словосочетания «религиозная утопия» затрагивается К. Кумаром в отношении монотеистического монастицизма, проявляющегося во внутреннем мире литературной утопии: коммунальная жизнь, общность имущества и жилья, совместный прием пищи, простая однообразная одежда. Наличие перечисленных черт не сближает моделируемый мир с образом рая, потому что, формулирует К. Кумар, «попытка предвосхитить и воплотить рай на земле в конечном счете богохульна и нечестива» (Kumar 1990, 73). Данная трактовка высвечивает, по нашему мнению, сущностную установку утопического замысла писателей на свободу вероисповедания в художественном мире произведений.

При политеистическом варианте государственной религиозности гражданам воображаемых стран разрешается верить в то, что ближе их миропониманию. Однако свобода вероисповедания в утопическом мире не достигает масштабов полной свободы совести по двум причинам. Во-первых, авторами литературных утопий оговаривается недопустимость фанатичного отношения к любой религии, оскорбляющего достоинство других вероисповеданий. Во-вторых, миру, вымышленному писателями-утопистами, имманентна религиозная чувствительность, выливающаяся, по словам Т. Мора, в принципиальный запрет «ронять так низко достоинство человеческой природы, чтобы доходить до признания, что души гибнут вместе с телом и что мир несется зря, без всякого участия провидения» (Мор 1953, 200). Религиозное мироощущение, питаемое верой в трансцендентное, составляет неразрывное целое с духовностью создаваемого общества и является основой политико-социальной парадигмы. Приведению религиозного законодательства утопического мира в действие способствуют специальные учреждения, представляющие собой чаще всего храмы. Они концентрируют вокруг своей оси онтологическую структуру модели мира, центром которой являются. В образах утопических храмов неизменно преобладает солярная символика, сформировавшаяся в контексте архаических ритуалов и носящая общечеловеческий характер. Как Солнечная система немыслима без главной звезды, излучающей свет и тепло, так и условная действительность, нацеленная на совершенство, не может существовать без мудрости, освещающей все мироздание из центра и сопоставимой с космическим порядком.

* В данной особенности утопического миромоделирования коренится, по А. Фойгту, серьезный аксиологический недостаток, так как «при помощи законов нельзя водворить терпимости, если нетерпимы сами люди, как те, которые проводят законы, так и те, в пользу которых они создаются» (Фойгт 1906, 50).

Курс на универсальную неизменность, взятый утопическим воображением, принимает, с точки зрения Э. Баталова, «форму проектов переустройства всего природно-мирового порядка и полной победы человека над смертью» (Баталов 1989, 56). Данная установка авторов литературных утопий раскрывается в ограничении нераздельного всевластия времени, чей ход оказывается враждебным создаваемому в художественном мире «наилучшему» обществу и его адептам. Стремление одержать верх над смертью относится к неотъемлемым модусам человеческого существования, подтверждение чему можно отыскать как в мифопоэтических, так и в философских текстах, решающих проблему бессмертия в **физическом (телесном)** и **метафизическом (духовном)** планах. Покорение физической смерти в художественном мире литературной утопии достигается посредством преодоления законов природы. Путеводная нить, приближающая к источнику бессмертия, к философскому камню, пролегает из Города Солнца Кампанеллы, ученые которого предвкушают открытие слуховых труб, делающих доступной непреходящую гармонию неба. Среди невероятных для XVII в. бенсалемских достижений, перечисленных Ф. Бэконом, особое место принадлежит «райской» воде, химические свойства которой способствуют сохранению здоровья и продлению жизни. Утопический эликсир жизни представляет собой продукт интеллектуального труда, обретаемый ради соизмерения преодолеваемой конечности человеческого существования с совершенной стабильностью моделируемого мира. В идеалистической традиции платонизма проблема бессмертия рассмотрена в метафизическом аспекте: бессмертием наделяется душа, обитающая без облика в сфере вечных идей. Признание бессмертия души, восходящее к Платону и принципиально не противоречащее христианскому вероучению, характеризует религиозное сознание обществ, вымышленных утопистами. Физическая смерть оказывается обязательным пропуском в вечность - инобытие мира, превосходящее даже утопическую реальность. В то время как источник телесного бессмертия требует больших усилий по его обретению, перемещение души из утопического мира в мир бесконечный открыто каждому в силу незыблемой духовности основ конструируемого в произведениях миропорядка. Рукотворный мир, каким бы он ни был идеальным, не затмевает мир, сотворенный трансцендентной ему силой.

Таким образом, формы государственного устройства и религиозного мироощущения, относящиеся к политике и религии, совмещаются в одном семантическом пространстве утопических произведений на основании их целевой ориентированности на конечные варианты имманентной - государственной - и трансцендентной - духовной - реальностей, вмонтированных в художественную модель мира. Структурообразующими конструктами политико-социальной парадигмы служат утопический государь, законы и учреждения, играющие определяющую роль и в то же время зависящие от семантической центрации политико-социальной парадигмы - форм государственного устройства и религиозного мироощущения. В структуре художественной модели мира **монархическая/республиканская форма правления** и **духовная толерантность** имеют единую точку сходимости, совпадающую с концепцией счастья на уровне этосферы и пространственными атрибутами центра в строении топосферы. Накладываемые на феноменальную суммацию морально-этическая система и политико-социальная парадигма утверждают основанную на противопоставлениях неизменную сакрализацию «своего» и профанацию «чужого» пространства, расположенного за физической и/или метафизической границей. Поэтому **политико-социальная парадигма** художественной модели мира сообщает возводимой в литературной утопии реальности такую внутрен-

нюю завершенность, в пределах которой моделируемый мир отличается четкостью своих бытийных форм и ясностью целей существования.

ЛИТЕРАТУРА

Баталов Э.Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. М., 1989.

Гуторов В. А. Античная социальная утопия: Вопросы истории и теории. Л., 1989.

Мор Т. Утопия / Пер. с лат. и коммент. А.И. Малеина и Ф.А. Петровского. М., 1953.

Новиков А. А. О парадоксах идеала // Идеал, утопия и критическая рефлексия: Сб. ст. М., 1996. С. 136-155.

Фойгт А. Социальные утопии / Пер. с нем. В.А. Фаусека. СПб., 1906.

Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке / Пер. с нем. В.Засулич и Г. Плеханова; Под ред. Д. Рязанова. М.; Л., 1926.

Яценко А.В. Антиутопии Платона // Вестн. Санкт-Петербург, ун-та. Сер. 6. Филос., политоп., социол., психол., право. 1994. № 3 (20). С. 32-33.

Harrington J. The Commonwealth of Oceana // Ideal Commonwealths: More's Utopia, Bacon's New Atlantis, Campanella's City of the Sun and Harrington's Oceana / Introd. H. Morley. New York, 1901. P. 181-416.

Kumar K. Religion and Utopia // The Canterbury Papers: Essays on Religion and Modern Society/Ed. D. Cohn-Sherbok. London, 1990. P. 69-79.

Logan G. M. The Meaning of More's Utopia. Princeton, 1983.

Sargent L.T. A Note on the Other Side of Human Nature in the Utopian Novel // Political Theory. 1975. Vol. 3. № 1. P. 88-97.

Tillich P. Critique and Justification of Utopia // Utopias and Utopian Thought / Ed. F.E. Manuel. London, 1973. P. 296-309.

Wilding M. Social Visions. Sydney, 1993.

Поступила в редакцию 02.03.07.

Максим Иванович Шадурский - аспирант кафедры зарубежной литературы. Научный руководитель - кандидат филологических наук, заведующий кафедрой зарубежной литературы В.В. Халипов.